

Andrey BOLSHIYANOV

“I remember only good things about the Ten-year school”

Андрей БОЛЬШИЯНОВ

«Воспоминания о десятилетке — самые лучшие»

Скажу без ложной скромности, фамилия Большианов в десятилетке хорошо известна: мой отец, Юрий Андреевич, учился в этой школе с самого основания и закончил ее в 1940 году по двум специальностям: труба и контрабас. Поэтому можно считать, что в каком-то смысле я «присутствовал» в нашей десятилетке задолго до своего появления в ней.

Пришел я туда из обычной школы в шестой класс. В сравнении с простой школой здесь все было на порядок выше: и уровень профессионального развития детей, и круг их интересов, и отношение преподавателей. Несмотря на то, что педагоги были очень строгие, они по-настоящему любили нас, поэтому всегда давали нам творческую свободу.

Самым главным моим учителем был, конечно, педагог по специальности Михаил Андреевич Юшкевич — замечательный музыкант, через которого прошли все, кто начинал учиться игре на кларнете в нашей школе. Хорошо помню преподавателя общего курса фортепиано Веру Владимировну Алперс. Правда, в первый год обучения я часто сбегал с занятий, и ей приходилось разыскивать меня по всей школе. Но позже я даже начал ездить к Вере Владимировне домой, чтобы позаниматься. Она была очень доброй и высокообразованной женщиной, часто рассказывала о своих встречах с известными музыкантами Петербурга — Ленинграда.

Большого внимания заслуживают и педагоги общеобразовательного цикла. Завуч Елизавета Мартынова Саркисян — знаменитая «Мартышка», как называли ее ребята. Столько поколений учеников она воспитала, и все до сих пор ее помнят! Борис Владимирович Фишман — учитель географии, очень знающий человек, но достаточно строгий. Он часто грозился «поставить точку» в журнале — это означало, что на следующем уроке тебя ждут большие неприятности, спрашивать будут «по полной программе». Софья Исааковна Мар-

Andrey Bolshiyarov, Associate Professor of the St. Petersburg Conservatory, who graduated from the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory in 1965, recalls his school experience.

Keywords: A. Y. Bolshiyarov, Y. A. Bolshiyarov, V. V. Alpers, M. N. Buyanovsky, S. I. Markon, D. A. Rumshevich, E. M. Sarkisyan, B. V. Fishman, M. A. Yushkevich, A. Y. Vilnits, G. E. Zhislin, V. B. Karlov, V. S. Sinaisky.

Воспоминания о годах учебы в школе-десятилетке Ленинградской консерватории доцента Санкт-Петербургской консерватории Андрея Юрьевича Большианова, выпускника школы 1965 года.

Ключевые слова: А. Ю. Большианов, Ю. А. Большианов, В. В. Алперс, М. Н. Буяновский, С. И. Маркон, Д. А. Румшевич, Е. М. Саркисян, Б. В. Фишман, М. А. Юшкевич, А. Я. Вильниц, Г. Е. Жислин, В. Б. Карлов, В. С. Синайский.

кон — учитель химии (мать известного скрипача Марка Комиссарова). Она всегда интересовалась нашими исполнительскими делами. И в целом на экзаменах, а иногда и на академических концертах можно было увидеть многих педагогов общеобразовательных предметов, которые с удовольствием слушали наши выступления.

До самого выпуска мы дружили такой четверкой: Саша Абашкин, Сережа Филатов, Валя Карлов и я. Все духовики — два флейтиста и два кларнетиста. К сожалению, Саши и Сережи уже нет в живых. Ну а Валентин Борисович Карлов — очень известный кларнетист, Народный артист России, работал в Заслуженном коллективе Республики, но уже вышел на пенсию. Хорошими друзьями мы были со Славой Гайворонским — ныне он джазмен с мировым именем. Также в нашем классе учились пианисты Валера Вишневский и Леня Зайчик, оба сейчас профессора Петербургской консерватории. Большим моим другом был Женя Смирнов, тоже пианист. Помню, как-то мы с ним после уроков сидели в классе на четвертом этаже. Решили поиграть в ножик, покидать в дверь. Нарисовали на бумаге мишень, прилепили. Женя бросает ножик, он врезается в дверь, а в следующую секунду в класс входит завуч Елизавета Мартынова. Она конфискует перочинный ножик и с яростным криком «Мальчик, ко мне!» возвращается в свой кабинет. Опасная была ситуация, но она нас простила.

К сожалению, уже нет в живых моего друга фаготиста Саши Вильница. Он был очень известным административным деятелем, работал в Комитете по культуре, открыл детский музыкальный лицей «Кикины палаты». Мы дружили с самого детства, так как наши отцы вместе работали в оркестре у Мравинского. Однажды мы с Сашей сбежали с урока музыкальной литературы. В конце коридора на четвертом этаже тогда стоял огромный пьедестал с бюстом Ленина. Мы оказались как раз в том тупике. Слышим шаги, деваться уже некуда, пришлось

«Воспоминания о десятилетке — самые лучшие...»

лезть к Ленину под пьедестал (он был в виде ящика). Преподавательница, которая пришла нас отчитывать, не поняла, куда мы пропали, только пожала плечами и удалилась. Так Владимир Ильич спас нас от крупной взбучки!

Помню замечательного контрабасиста Борю Козлова, солиста оркестра Мравинского, — он сейчас живет за рубежом. Как-то мы вместе были в Кисловодске на дне рождения у Мариса Янсонса. Марис был немного старше, но мы хорошо общались. Очень запомнился этот праздник. Еще одним моим старшим другом был Гриша Жислин. Никогда не забуду, как однажды летом пришел к нему домой, чтобы позвать гулять. Слышу звуки скрипки, захожу в комнату — Гриша стоит в носочках на растеленной газете, играет гаммы, а по щекам слезы текут. Рядом сидит его папа и следит, чтобы Гриша не выходил за пределы газеты. Такая у него методика была.

Приятно, что, несмотря на известность, никто не заболел «звездной болезнью», не ставит себя выше других. Например, Михаил Гантварг — даже в бытность свою ректором. Или Василий Синайский, знаменитый дирижер, которому по статусу всегда приходится держаться очень официально. При всех мы общаемся на «вы», но, стоит остаться наедине, кто-нибудь из нас обязательно скажет: «Ай, ладно, давай уже поговорим нормально!» Вася — замечательный музыкант и человек, в школе принимал участие во всех наших проделках.

Главным развлечением в десятилетке был, конечно, футбол. Футбольные игры устраивали по всей школе, но любимое место располагалось справа от выхода на улицу: там есть подвальные окошки, они служили нам воротами. Помимо традиционного футбола с мячом был еще «футбол на рояле». До сих пор в школе можно встретить старые инструменты с характерными отмети-

Выпускники ССМШ, слева направо: Валентин Карлов, Сергей Филатов, Александр Абашкин, Андрей Большианов. 1965 год

нами на крышках, обозначавшими небольшие воротца. В них нужно было попасть с трех ударов — но не мячом, конечно, а ударив пятикопеечной монетой по однокопеечной при помощи расчески. После уроков проходили целые турниры, мы закрывались в классах и играли, играли... Даже турнирные таблицы были!

Уже в самом начале учебы в десятилетке мне довелось принять участие в концерте школьного оркестра. В Малом зале Филармонии мы играли «Детскую» симфонию Гайдна; там есть «партия жаворонка», ее я и исполнял на особой свистульке. Это было очень запоминающимся событием: в двенадцать лет впервые играть в оркестре, да еще в качестве солиста! Дирижировал Дмитрий Андреевич Румшевич, в то время бессменный

Выпускной вечер, фойе Большого зала ССМШ. А. Большианов сидит за столом справа. 1965 год

руководитель школьного оркестра. Он, между прочим, был первым педагогом по дирижированию у Василия Синайского.

Творческая жизнь у нас была очень насыщенная: внутренние конкурсы — как для солистов, так и для ансамблей, — множество интересных концертов, в том числе выездных. Важно, что много внимания уделяли не только специальности, но и ансамблю. Я около трех лет играл в октете; занимался с нами почтеннейший профессор с мировым именем — Михаил Николаевич Буяновский (отец Виталия Михайловича). Программы мы репетировали не меньше двух раз в неделю, готовились к концертам. Это было захватывающе.

В то время можно было найти пластинки с прекрасными исполнениями фортепианной или вокальной

музыки, а записей духовиков почти не было. Поэтому мы ориентировались на выдающиеся живые примеры. Когда я учился в десятом классе, проходил Всесоюзный конкурс исполнителей на духовых инструментах. Уровень тогда был невероятно высокий, и у исполнителей из союзных республик тоже. А все потому, что везде преподавали выпускники Ленинградской и Московской консерваторий.

Как и у многих людей, у меня воспоминания о детстве и юношестве самые лучшие, особенно о десятилетке. Как правило, со временем забывается все плохое, в памяти остается только самое светлое. Если бы меня сейчас спросили, хочу ли я вернуться туда, без раздумий бы ответил — ХОЧУ!

Записала А. Д. Брагинская

Sergey CHIRKOV Our school

The memories about the Secondary Special Music School by one of its graduates (1998) a bayan-player S. E. Tchirkov, who is an award-winner of international music competitions, deputy art director and solo singer of the *New music studio* ensemble of the Moscow Tchaikovsky Conservatory. He is also a member of jury of competitions of modern music composers and performers, engaged in delivering lectures and workshops at Russian and foreign conservatories and universities.

Keywords: S. E. Tchirkov, Secondary Special Music School of the St. Petersburg Conservatory, A. I. Dmitriev, E. V. Pavlova, I. P. Nazaryan, A. L. Baltacheeva, T. A. Litvinova, E. A. Rushansky, N. M. Anikushina, M. I. Reizenshtock, M. L. Rostropovich.

Сергей ЧИРКОВ Наша школа

Воспоминания о школе-десятилетке выпускника 1998 года баяниста С. Е. Чиркова — лауреата международных конкурсов, заместителя художественного руководителя и солиста ансамбля «Студия новой музыки» Московской консерватории имени П. И. Чайковского. С. Е. Чирков является членом жюри конкурсов композиторов и исполнителей современной музыки, выступает с лекциями и мастер-классами в российских и зарубежных консерваториях и университетах.

Ключевые слова: С. Е. Чирков, Средняя специальная музыкальная школа Санкт-Петербургской консерватории, А. И. Дмитриев, Э. В. Павлова, И. П. Назарян, А. Л. Балтачевева, Т. А. Литвинова, Е. А. Рушанский, Н. М. Аникушина, М. И. Рейзеншток, М. Л. Ростропович.

Первое воспоминание о школе-десятилетке

Первое впечатление — это огромная, как мне тогда казалось, лестница, ведущая на четвертый этаж, где располагались классы общеобразовательных предме-

тов. Вообще, в их распределении по этажам мне всегда виделось что-то символическое, почти таинственное. Особенно это касалось музыкальных классов третьего этажа, где у меня сначала были только уроки фортепиано, и второго этажа, который занимал концертный зал.